

Семенов Гаврил Иннокентьевич**Semenov Gavril Innokentievich**

директор Республиканского центра экологии,
туризма и агротехнологического образования,
город Якутск

Director, Yakutsk Republican Center
for Ecology, Tourism
and Agrotechnological Education

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОВОГО ВЛИЯНИЯ

THE IDENTIFICATION STRATEGIES IN RUSSIAN SOCIETY: A STUDY OF THE LEGAL IMPACT

Аннотация:

В статье основное внимание сфокусировано на проблеме выявления специфики идентификационных стратегий в российском обществе по отношению к праву как системе идентифицирующих норм. Сделан вывод о том, что для исследования поставленной проблемы требуется исходить не только из институциональных критериев права, но и из диспозиционных установок россиян по отношению к праву как форме социального самоопределения и самореализации.

Ключевые слова:

право, идентичность, российское общество, социальная макроидентичность, гражданская идентичность, коллективная идентичность, неправовая традиция.

Summary:

The article focuses on the problem of defining the specific features of the identity strategies in Russian society in relation to law as the system of identifying norms. Based on the foregoing, the author concluded that to study this problem, it is necessary to take into account not only the institutional eligibility criteria but also the dispositional attitudes of Russians towards law as a form of social self-determination and self-fulfillment.

Keywords:

law, identity, Russian society, social macro-identity, civic identity, collective identity, non-legal tradition.

В российском обществе наблюдается идентификационный кризис, вернее, смена идентификационных доминант [1]. Исследователи подчеркивают, что для рассмотрения влияния права на формирование идентификационных процессов требуется обратить внимание на два обстоятельства: 1) в российском обществе право как институт достаточно маргинализировано, периферизировано по отношению к регуляции социальных процессов; 2) становление нового социального и правового порядка не основывается на принятии соответствующих форм гражданской и политической идентичности [2].

Принятие идентификационных моделей в российском обществе осложнено не отсутствием доминантной идентификационной матрицы, моделей, соответствующих запросу на социальную адаптацию, упорядочивание социальной жизни, легитимацию сложившихся социальных отношений и стабильность социальных самооценок. Идентификационные модели в российском обществе, особенно в сфере социальных макроидентичностей, не являются актуализированными, т. е. не воспринимаются как модели, стимулирующие реальные социальные практики. Так, принятие и актуализация этнической идентичности (мы – русские, мы – якуты) не содержат обязательного солидаризирующего или мобилизующего эффекта, притом что 51 % россиян устойчиво обнаруживают ориентацию на этничность [3]. В целом население руководствуется макроидентичностями как основаниями для выбора жизненных стратегий. Связи с данными макроидентичностями условны, часто не сопрягаются с повседневными жизненными практиками. Поэтому влияние элементов права, фиксируемых в идентификационных стратегиях, может быть рассмотрено не только как результат структурного воздействия, но и как схема восприятия, оценки права как личностного и группового ресурса в реализации социальных интересов.

Институт права в российском обществе воспринимается двояко: с одной стороны, существует отчетливо проявляемый запрос на правовое государство и правовое регулирование, с другой – доминируют нелегитимные или полулегитимные социальные практики. Анализ влияния права в российском обществе включает выявление взаимосвязанных позиций по отношению к праву как к социальному (личностному и групповому) ресурсу, а также определение воздействия права на формирование диспозиций, субъективных представлений и самоопределение личности.

Включенность в правовые процессы различных групп населения выявляется в контексте ценностных суждений россиян, для которых преобладающим выступает принятие на первый взгляд модернистских идей: конкуренции, равенства возможностей, индивидуальности [4]. Но при этом следует понимать, что влияние декларируемых ценностей нейтрализуется позицией «ритуализма», признаком которого является принцип «от меня мало что зависит». Принимаемый на

веру экономистский детерминизм также снижает влияние права как института, регулирующего общественные отношения. Другими словами, россияне рассматривают правовые ресурсы в контексте социально-имущественного расслоения, разделения по линии «хорошо обеспеченные – обеспеченные – малообеспеченные».

Уход от патерналистских установок в последние десятилетия, ориентация на личные социальные ресурсы отражаются в достаточно устойчивом мнении: «Мое материальное положение зависит прежде всего от меня самого». В связи с этим правовые нормы уже не носят столь обязательного характера и определяются субъектами социального действия ситуативно, формируя определенным образом ситуативную шкалу.

В связи с этим необходимо формирование критериальной системы, способствующей дифференцированию подхода к праву на идентификационном уровне. В то же время формирование идентификационных стратегий, под которыми понимаются поведенческие модели, ориентированные на принятие конкретных идентификационных моделей различными слоями населения и направленные на реализацию определенных целей на основе социального самоопределения, требует ценностной градации, включающей правовой компонент.

Рассмотрение правовых норм и их влияния на идентификационные стратегии россиян требует особого внимания к проблеме многоаспектности: дать однозначный ответ означало бы оценивать формирование идентичности только по степени послушности, правосознания и в целом правовой культуры конкретных групп населения [5]. Исследуя правовые нормы, необходимо отслеживать то, в какой степени правовые ресурсы используются для идентификационного выбора и определения идентификационных стратегий как социальных маркеров.

Большим объяснительным потенциалом обладает предположение, что отправным критерием является то, чьими интересами будут руководствоваться россияне. Социологические исследования демонстрируют резкое падение престижа коллективной идентичности, базирующейся на самоотождествлении с личностью, обществом и государством. Только 10 % готовы руководствоваться также интересами государства и 10 % – интересами коллектива.

Ориентация на микросоциальный уровень взаимодействий, индивидуализацию, приоритет личных целей и интересов приводит к принятию стратегии идентификационного нигилизма или стратегии микроидентификации. Интересно при этом отметить, что критерий интереса позволяет сформировать теоретически опосредованные звенья между правом и идентичностью, определить те срезы, в которых право выступает реальным фактором в формировании идентичности, и установить влияние, которое является побочным по отношению к идентификационному выбору.

Не менее важным фактором формирования идентификационных стратегий выступает категория «значимых других», определяющая первичный и, следовательно, наиболее авторитетный круг взаимодействия. Значимо то, с каким кругом людей отождествляют себя россияне, кому они отдают предпочтение в повседневном взаимодействии. Прежде всего отметим, что предпочтительные сферы идентификации испытывают переход от формально дискурсивную идентичностей к идентичностям, воплощающим и реализующим коммуникативную сферу взаимодействия, соотносимую с социальной самооценкой. В этом смысле нужно учитывать, что есть определенная недосказанность в том, что абстрактные символические общности, очень важные для российских граждан, имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость [6].

Признание данной позиции определяет связь устойчивой самоидентификации с неправовыми факторами: особенностями национальной культуры, огромными пространствами, исторической памятью [7]. Поэтому исследовательская логика выявляет совокупность сопутствующих показателей, чтобы определить, во-первых, отношение россиян к праву как фактору влияния на причисление себя к символическим общностям; во-вторых, отношение к тому, какую роль играет право в «закреплении» личности на уровне символической общности. Эти показатели и могут характеризовать то, что называется непосредственно переживаемым чувством.

Отмечая, что в российском обществе правовые нормы обретают характер субдоминантных по отношению к неформальным нормам, что условия и мотивы отношения к праву определяются разделением между правом и справедливостью, можно говорить о том, что идентичность, понимаемая в качестве самопричисления к конкретной социальной группе [8], связана с тем, какие образы права, схемы восприятия права функционируют в настроениях конкретной группы.

Право воспринимается как социально-конъюнктурный институт, связанный с конкретным положением и статусом социальной группы. Например, это достаточно ясно проявляется в отношении с церковью как имеющей традиционный морально-нравственный авторитет, но не обладающей принудительной силой и не порождающей социально-стратифицирующих эффектов [9]. В связи с этим можно сделать вывод о неоднозначном видении перехода к нормативной идентичности в российском обществе.

Это объясняется тем, что идентификационные матрицы, в основе которых множество групповых идентичностей (природные, социальные объективные, субъективные), как в предшествующий период, так и в настоящем [10] не содержат правовой ориентированности. Нацеленность на гражданскую идентичность как имеющую наибольший правовой потенциал не отменяет того факта, что для большинства россиян наполнение идентификации с гражданами России если и означает гражданское сознание и поведение [11], то связано с «оборонными» настроениями. В данном случае гражданственность фиксирует достижение определенного уровня индивидуализма, дистанции от государства и «не работает» для повышения влияния права в обществе. Согласительные интенции правовых норм способны нейтрализовать или сократить культурную дистанцию, избавиться от схемы принятия негативной (оборонительной) идентичности, выраженной в отрицании качеств и ценностей у их носителя, что возможно при изучении взаимных установок и мер их социального принятия, лежащих в основе социальной солидарности [12].

Предлагаемый нами подход содержит принцип исследования влияния права на формирование правовых стратегий в качестве практик, содержащих правовую трактовку и формирующих идентичность. Правовые нормы могут быть причислены к детерминантам, не превышающим по силе консолидирующего воздействия экономические, политические или ценностные основания. В то же время гражданская идентичность, обладающая способностью к саморегуляции, выступает аргументом в пользу функциональных проявлений права как формальных оснований формирования идентификационных стратегий индивидов.

Влияние права на становление идентичности, с одной стороны, увеличивается за счет усиления принудительного потенциала права и безусловного исполнения правовых норм (эффективной работы правоохранительных органов); с другой стороны, ослабевает, если правоприменение направлено на тех, кого считают ущемленными по факту социальной несправедливости. Для россиян воздействие права связано с тем, что соответствует моральным нормам, а так как новая рыночная этика противоречит установкам на справедливость, эти явления считаются или не заслуживающими сурового наказания, или выходящими за пределы права.

Анализ позиций россиян в отношении права подтверждает выдвинутый нами исследовательский ориентир на то, что, как отмечает З.Т. Голенкова, 62 % опрошенных считают, что должностные лица и простые люди не равны перед законом [13]. В этой позиции следует разделять два значения. Первое состоит в том, что является следствием социального неравенства, социальных различий между субъектами и адресатами права. Второе – в том, что восприятие права нацелено на легитимацию неправового и полуправового отношения к самому праву, что несправедливость используется как аргумент, чтобы не соблюдать нормы права. Дело здесь не только в избыточном социальном неравенстве, а в тех подчас негативных эффектах, которые проявились и продолжают проявляться в массовых социальных настроениях.

Эта ситуация конструируется тем обстоятельством, что респонденты не ориентированы на принятие идентифицирующего влияния права, то есть не рассматривают правовые нормы в качестве условия социальной консолидации или реализации собственных устремлений, а воспринимают их как средство осознания своей групповой принадлежности. Используемая ими неправовая аргументация фактически уравнивает их с теми, кто является объектом критики в контексте неправомерного поведения. Считая, что отношения в обществе между органами власти и населением являются плохими (53 % опрошенных) [14], сами респонденты не выводят из создавшейся ситуации обязательность соблюдения правовых норм для себя, чтобы улучшить отношения с государством.

Важным представляется понимание того, каким образом россияне относятся к допустимости и интенсивности применения правовых норм. Состояние российского общества, отрефлексированное в социологических исследованиях, позволяет говорить о том, что целесообразность права не подвергается сомнению практически большинством россиян. Но при этом правовые нормы соотносятся с образами права, с тем, что считается допустимым или оправданным в действиях человека. Если в обществе нарушен принцип равенства перед законом и это находит отражение на уровне стереотипов массового сознания, можно считать, что само правоприменение, правопослушность означает отнесение, отождествление с неблагополучными или не обладающими достаточным уровнем социальной защищенности слоями населения. Те, кто дистанцирует себя от государства, рассуждает следующим образом: если мы независимы от государства в основных аспектах жизнедеятельности, то незначительными являются и правовые требования, которые выступают необоснованными претензиями со стороны государства. Тот же процесс уклонения от налогов или от службы в армии связан с усилением индивидуалистической свободы, понимаемой так, что «если я развернул свое дело и воспитал детей, каким образом я обязан исполнять обязательства по отношению к государству, которое только что-то требует от меня и никаким образом не оказывает содействия в решении проблем, которые относятся не столько к сфере личной ответственности, сколько к обществу в целом».

Практика правоприменения в российском обществе, хотя и привержена на конституционно-правовом уровне защите индивидуальных прав, имеет коллективно ориентированный характер. К сожалению, эта коллективная практика чаще всего связана с неправовыми формами защиты и отстаивания интересов, чем с правовыми. Можно говорить, что в российском обществе правовые нормы слабо используются на индивидуально-личностном уровне и пока не приобрели значение для реализации групповых интересов на коллективном уровне.

С позиции функционального подхода россияне выделяют четыре функции права, выполнение которых, по их мнению, имеет первостепенное значение для общества. Это регулирование отношений между гражданами и государством, гарантия прав и свобод граждан, защита граждан от уголовного мира, защита от произвола со стороны бюрократии [15]. Реальным является смещение значимости всех функций на последние две: безопасность граждан и противодействие бюрократическому произволу.

Формулируемый в обществе запрос на правовое государство в большей степени отражает эти функции, когда для идентификационного влияния права значение имеют взаимоотношения между гражданами и государством и гарантия прав и свобод граждан. Следовательно, можно подчеркнуть, что в отличие от зарубежных индоктринируемых образцов значительно снижена регулятивная функция права, зато в рамках дефицита защитных и гарантирующих свойств права возрастает их значение. Это приводит к переключению внимания граждан с правового «устройства» микроидентичности на отношение к идентичностям, содержащим правовые нормы, как идентичностям патерналистского характера.

Существующая дифференциация форм права – общегражданские права и иерархия факторов выявляют, что в большей степени имеет значение гражданское этническое право [16], – свидетельствует о том, что право воспринимается как фактор усиления тех идентичностей, которые конкурируют с правом. Возражения в виде превалирования гражданского права снимаются тем, что для большинства россиян гражданские права акцентированы на сохранении сферы индивидуальной, а часто неправовой свободы.

По этому поводу можно сказать, что за истекший период произошло правовое разочарование. Логика позиций россиян такова, что подчиняет мотивации и ценности личности приобретаемому, конструирует новые формы зависимости путем манипулирования общественным сознанием [17]. Указанная Ю.Г. Волковым особенность общества потребляет квалифицирует и отношение к праву не с преимущественно или хотя бы удовлетворительно ценностных позиций, а в контексте правового присвоения и потребительства [18].

Можно говорить о том, что в российском обществе влияние права не оформляется в виде правовой идентичности как социально-референтной и существующие противоречия между восприятием права и запросом на правовое регулирование отражают отсутствие устойчивого в идентичности ясного образа модели права в массовом сознании россиян. Представления россиян о праве базируются на выбранных жизненных стратегиях, в результате чего приемлемой представляется модель отстраненности или взаимности исполнения правовых обязательств населением и государством. Но в этой ситуации право не может достигнуть идентификационного влияния, достаточного для того, чтобы искать право в идентификационной матрице.

Функционирование и воздействие права в условиях российского общества определяют характер влияния права на идентификационные стратегии и связаны не только с социальным расщеплением и развитием российского общества, но и со схемами восприятия, оценки права как личностного и группового ресурса в реализации социальных интересов. Таким образом, в условиях социальной и правовой неопределенности право смещается на диспозиционный уровень установок по отношению к формированию идентификационных стратегий.

Ссылки:

1. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта : монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М., 2016. 422 с.
2. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия : монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2016. 244 с.
3. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробужева. М., 2013. 485 с.
4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М., 2011. 672 с.
5. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе : монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д., 2016. 392 с.
6. О чем мечтают россияне (размышления социологов) [Электронный ресурс] : аналит. докл. М., 2012. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (дата обращения: 26.05.2017).
7. Там же.
8. Фролова А.С., Посухова О.Ю. Потенциал медиа как пространства рефлексии профессиональной идентичности // Медиаобразование. 2016. № 4. С. 127–138.

9. О чем мечтают россияне ...
10. Профессиональная идентичность в российском обществе (вопросы истории, теории и практики). Ростов н/Д., 2017. 213 с.
11. Гражданская, этническая и региональная идентичность ...
12. Гражданская, этническая и региональная идентичность ... ; The Lifestyle in the Development of Ideological Policy / V.V. Chernous, A.K. Degtyarev, A.V. Lubsky, O.Y. Posukhova, Y.G. Volkov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, no. 5. P. 503–508.
13. Россия реформирующаяся. Вып. 11 : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2012. 480 с.
14. Там же.
15. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
16. Там же.
17. Новые идеи в социологии : монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. 479 с.
18. Ideological Grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism / A.S. Frolova, A.V. Lubsky, O.Y. Posukhova, A.V. Serikov, Y.G. Volkov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, no. 4. P. 58–63.

References:

- Chernous, VV, Degtyarev, AK, Lubsky, AV, Posukhova, OY & Volkov, YG 2015, 'The Lifestyle in the Development of Ideological Policy', *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 5, pp. 503–508, <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n5s4p503>.
- Drobizheva, LM 2013, *Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow*, Moscow, 485 p., (in Russian).
- Frolova, AS, Lubsky, AV, Posukhova, OY, Serikov, AV & Volkov, YG 2015, 'Ideological Grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism', *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 4, pp. 58–63, <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n4s4p58>.
- Frolova, AS & Posukhova, OYu 2016, 'The potential of media as a space for the reflection of professional identity', *Mediaobrazovaniye*, no. 4, pp. 127–138, (in Russian).
- Gorshkov, MK 2011, *Russian society as it is: the experience of sociological detection*, Moscow, 672 p., (in Russian).
- Gorshkov, MK (ed.) 2012, *Russia is reforming*, Issue 11, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Youth of Russia: a sociological portrait*, Moscow, 592 p., (in Russian).
- Lubsky, AV 2016, *Mental programs and models of social behavior in Russian society*, monograph, Rostov-on-Don, 392 p., (in Russian).
- Professional identity in Russian society (historical, theoretical and practical issues)* 2017, Rostov-on-Don, 213 p., (in Russian).
- Toshchenko, ZhT (ed.) 2013, *New ideas in sociology*, monograph, Moscow, 479 p., (in Russian).
- Volkov, YuG (ed.) 2016, *National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience*, monograph, Moscow, 422 p., (in Russian).
- Volkov, YuG (ed.) 2016, *The construction of the all-Russian identity in the context of interethnic and interreligious interaction*, monograph, Rostov-on-Don, 244 p., (in Russian).
- What do Russians dream about (reflections of sociologists)* 2012, analytical report, Moscow, <http://www.is-ras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf>, (in Russian).